

Григорий Кружков

Избранные переводы

Том 1

Москва 2009

ТЕРРА **ТЕРРА**

КНИЖНЫЙ КЛУБ

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6

К 84

Кружков Г. М.

К 84 Избранные переводы: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст. Б. Романова; Коммент. Г. Кружкова. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2009. — 512 с. — (Мастера перевода).

ISBN 978-5-275-02091-5 (т. 1)

ISBN 978-5-275-02090-8

Григорий Кружков — один из крупнейших современных переводчиков поэзии, поэт, лауреат Государственной премии по литературе (2003). Среди его работ — переводы английских авторов, начиная с Шекспира и заканчивая поэтами XX века, французской, испанской поэзии, а также переводы со славянских языков. В двухтомник вошли избранные переводы Григория Кружкова.

Первый том представляет собой антологию английской поэзии пяти веков и включает переводы произведений около 80 поэтов, среди них Шекспира, Донна, Китса, Теннисона, Росетти, Хопкинса.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-275-02091-5 (т. 1)

ISBN 978-5-275-02090-8

© Б. Романов, вступительная статья, 2009

© Г. Кружков, перевод, комментарии, 2009

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2009

1806–1861

ПЛАЧ СМЕРТНЫХ

I

Глупцы кричат, что Бога нет,
Но разве нет печали?
Ведь под конец дороги свет
Нужнее, чем вначале.
Скрипит, изнемогает плоть
У ближнего на тризне,
И шепчет: «Смилуйся, Господь!» —
Кто не молился в жизни.
О, смилуйся, Господь!

II

Все гуще облака вверху,
Внизу все больше мрака,
И жметя стадо к пастуху,
К охотнику — собака.
Удар! и вспыхивает мрак
От яркого разлома,
И мы дрожим, не зная, как
Ответить гласу грома.
О, смилуйся, Господь!

III

Гремит над полем битвы гром,
Серпы войны в работе,
И — во имя чести — жнем
Снопы из братней плоти.
Одним сотворены Творцом,
Его дурные дети,
Мы рубимся к лицу лицом,
В свое подобье метя.

О, смилуйся, Господь!

IV

Чума опустошает град,
Дыша незримым ядом;
С телеги мертвецы глядят
Остекленелым взглядом.
Водицы просит сын опять,
Горя в недужном зное,
И воплем страшным будит мать
Свое дитя грудное.

О, смилуйся, Господь!

V

Страсть к золоту безумит нас,
Как будто сквозь одежду
Кентавра злая кровь, сочась,
Въедается нам в кожу.
Мы бредим выгодой одной,
Несчастные торговцы,
И сами биржевой ценой
Помечены, как овцы.

О, смилуйся, Господь!

VI

Лишает хлеба земляков
Проклятие наживы,
И смотрят толпы бедняков,
От голода чуть живы,

Как тянут певчие псалом
В раскрашенном соборе
И, что ни день, суда с зерном
Отчаливают в море.

О, смилуйся, Господь!

VII

Мы любим вечера встречать
Средь праздничного гула,
Старясь вновь не замечать
Пустующего стула.

Кричим и кубками стучим,
Налитыми до края;
Но плачет Божий серафим,
На этот пир взирая.

О, смилуйся, Господь!

VIII

Вот мы сидим, глаза в глаза.
«Ты не разлюбишь, милый?»
И застилает взор слеза:

«С тобою — до могилы!»
«Покуда смерть не разлучит!» —
Мы повторяем снова;
И горьким эхом нам звучит
Пророческое слово.

О, смилуйся, Господь!

IX

Мы наклоняемся в тоске
Над дорогим усопшим;
Скорбим, припав к его руке,
И мучимся, и ропщем:
Он здесь, он близко — но в руках
Безвольных нет ответа,
И отсвет на его щеках —
Лишь блик дневного света!

О, смилуйся, Господь!

X

Нас спрашивают иногда
Задумчивые дети,
Как нам жилось детьми, когда
Их не было на свете.
Как рассказать? Мы видим вновь
Ушедший мир бесценный,
И светит матери любовь
Улыбкой незабвенной.
О, смилуйся, Господь!

XI

Молиться мы приходим в храм
В невыразимой муке
И простираем к небесам
Запятнанные руки.
Под нами – темные гроба,
За нами – путь наш грешный;
Узка к спасению тропа
Из этой тьмы кромешной.
О, смилуйся, Господь!

XII

Мы отвергаем суету,
Желанья и томленья;
Идут, сменяясь на ходу,
Века и поколенья.
Но мы все те ж! Как страшен бес,
Так страшно нам и странно
Себя узреть в стекле небес,
В зеркале океана.
О, смилуйся, Господь!

XIII

С холма нам виден тот же вид,
Что в детстве мы любили:
С востока солнце золотит
Сияющие шпили.

Когда-то к шпилям золотым
Стремился взор наш пылкий,
А ныне дольше мы глядим
На плиты да могилки.
О, смилуйся, Господь!

XIV

С последним хрипом из груди
Умчится дух больного;
Что ждет его? Надейся, жди;
Ни стоны, друг, ни слова.
Верь – там, куда глядит игла,
Куда, стена, возносят
Свой стройный звон колокола,
Сын у Отца попросит:
О, смилуйся, Господь!

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Страданье настоящее бесстрастно;
Лишь те, что скорби не достигли дна,
Лишь недоучки горя – ропщут на
Свою судьбу, стеная громогласно;

Но тот, кто все утратил, безучастно
Лежит, как разоренная страна,
Чья нагота лишь Господу видна
И чья печаль, как смерть сама, безгласна.

Она – как тот могильный монумент,
Поставленный, чтоб до скончанья лет
Усопший прах никто не потревожил

(Хоть все крошится – камень и цемент).
Коснись гранитных век – так влаги нет;
Когда б он мог заплакать, он бы ожил.

Из цикла
«Сонеты с португальского»

I

Я вспоминала строки Феокрита
О чередѣ блаженных, щедрых лет,
Что смертным в дар несли тепло и свет,
И юных весен их венчала свита, —
И, мыслями печальными повита,
Сквозь слезы памяти глядела вслед
Скользнувшей веренице тусклых лет,
Чьи тени мрачным холодом Коцита
Мне в душу веяли — и стыла кровь;
Как вдруг незримая чужая Сила
Меня, рванув, за волосы схватила
И стала гнуть: «Смирись, не прекословь!»
«Ты — Смерть?» — изнемогая, я спросила.
Но Голос отвечал: «Не Смерть, — Любовь».

IX

Так чем я отплатить тебе могу —
Затворница печали? Чем любовней
Слова мои, тем глуше и бескровней.
Слезами, что я в сердце берегу —
Иль вздохами? Их на любом торгу
Возы, и вороха — в любой часовне.
Возлюбленный! Ты видишь, мы — не ровни,
Как нищенка, я пред тобой в долгу.
Я улыбнусь — но этого порыва
Достанет лишь на миг. Мне не раздуть
Угасший пепел. Мертвая олива
Не принесет плода. Скорей же в путь!
Удерживать тебя несправедливо.
А то, что я люблю тебя, — забудь.

XVII

Возьмешь ли локон мой? Я не дарила
 Доселе никому своих волос.
 Увы, благоуханья юных роз
 И блеска звезд в них не найти, мой милый.
 Когда-то (грустный трюк!) я их клонила,
 Чтоб на щеках скрывать следы от слез;
 И, думаю, впервые бы пришлось
 Их срезать на краю мой могилы.
 Так что же — время повернуло вспять —
 Иль молодость нагрянула вторая?
 На палец я наматываю прядь,
 Рассеянно, как девочка, играя...
 Прими их, мой возлюбленный. Здесь мать
 Меня поцеловала, умирая.

XX

Вообрази, лишь год назад, как тень, я
 Бродила у заснеженной реки
 Одна — и, ясным знакам вопреки,
 Судьбы не чувствовала приближенья,
 Перебирая малодушно звенья
 Своей неволи и своей тоски, —
 Что ты бы мог движением руки
 Разбить. И впрямь достойно удивленья,
 Как я могла, доверяясь чарам зим,
 Не ощутить в шуршанье снеговоя
 Весны? Не угадать, благоговая,
 Что тишь чревата голосом твоим,
 Еще не прозвучавшим? Так афеи
 Не верят в Бога, что для них незрим.

XXI

Скажи: люблю — и вымолви опять:
 Люблю. Пусть это выйдет повтореньем
 Или кукушки на опушке пеньем,
 Не бойся уши мне прокуковать —
 Ведь без кукушки маю не бывать
 С его теплом, голубизной, цветеньем...
 Любимый, слишком долго я сомненьем,

В ночи подкапывающим, как тать,
Была томима. Повтори мне снова:
Люблю. Пускай, как звон колоколов,
Гудит и не смолкает это слово:
Люблю. Подманивай, как птицелов,
Короткой, звонкой трелью птицелова.
Но и душой люби меня. Без слов.

XXIV

Пускай жестокий Мир, как нож складной,
Защелкнется, не причинив урона,
В ладони у Любви — и усмирено
Затихнет ярый вопль и шум земной.
Как хорошо, возлюбленный! С тобой
Я чувствую себя заговоренной
От всех клинков и стрел. Ты — оборона
И крепь моя; за эту стеной
Вдали от толп — незримо, потаенно —
Из данных нам природою корней
Мы вырастим два стебля, два бутона,
Две лилии — жемчужней и светлей
В лучах росы, чем царская корона!
А сколько жить им, небесам видней.

XXIX

Мечтаю о тебе. Ты, словно ствол,
Весь думами моими и мечтами
Увит, как виноградными листьями
И скрыт в том лесе, что тебя оплел.
Но нет, фантазий буйный произвол
И петли мыслей, вьющихся кругами,
Тебя не стоят. Прошурши ветвями
Могучими — как будто вихрь прошел —
О пальма стройная! — и отряхни
Ненужную завесу перед взглядом:
Мечты — сравнятся ли с тобой они?
Взирать, внимать твоим речам-усладам...
Я новый воздух пью в твоей тени
И ни о чем не думаю; ты — рядом.

ЭЛИЗАБЕТ БАРРЕТ БРАУНИНГ (1806–1861)

Элизабет Баррет родилась в состоятельной семье. Получила домашнее образование. От матери она унаследовала слабое здоровье, которое ухудшилось после падения с лошади, а особенно – после смерти брата в 1839 г., утонувшего почти на ее глазах. Последующие шесть лет она вела жизнь затворницы и полуинвалида, практически не выходя из своей спальни.

После выхода третьего сборника «Стихотворения» (1844) она стала знаменитой. Поэт Роберт Браунинг познакомился с ней в 1845 г. и сделал предложение. Несмотря на то, что жених был на шесть младше и отец категорически возражал, Элизабет вышла за него замуж, и брак оказался счастливым. Браунинг увез жену в Италию, где они вместе прожили шестнадцать лет. Их история сделалась легендой английской литературы и запечатлена, в частности, в повести Вирджинии Вульф «Флаш». Но поэтесса сама оставила памятник своей любви в 44 прекрасных сонетах, опубликованных анонимно как «Сонеты с португальского» в 1850 г.